

Представитель императорского двора и в самом деле оказался тем самым человеком, который пять лет назад присутствовал при зажигании фонарей. Это был Янь Чжэнь, новый Великий Наставник, сын Янь Хуайпу, погибшего на вершине горы Цзюлу. Когда люди говорили о его талантах, все сходились на том, что он во многом превосходит своего отца.

В этот момент Янь Чжэнь смотрел на кое-кого определенного: на человека, сидевшего на самом последнем месте среди учеников первого поколения горы Цзюлу.

Великий Наставник и сам не знал, почему этот человек привлек его внимание. Много лет спустя, оглядываясь на прошлое, Янь Чжэнь почти поверил, что сама судьба подталкивала его повернуть голову в ту сторону, заставляя его взгляд остановиться на этом человеке.

В зале было шумно и оживленно. Выдающиеся ученики секты Сюань, конечно же, были на голову выше остальных. Среди них было много тех, кто обладал истинным мастерством.

Сам Янь Чжэнь был культиватором дао, хотя об этом мало кто знал, ведь он был учеником секты Ми в ущелье Сицзи. Секта Ми отличалась от секты Сюань, но даже в этом случае Янь Чжэнь не мог отрицать, что ущелье Сицзи не могло сравниться с горой Цзюлу по мощи и престижу. Кроме того, у них было не так много перспективных молодых учеников.

Чтобы понять, каким будет будущее секты, достаточно было посмотреть, кто ее лидер, и есть ли потенциал у нового поколения. Два дня назад Янь Чжэнь незаметно присмотрел себе нескольких учеников секты Сюань. Когда он вызвал их на беседу, все они отвечали уверенно и спокойно. Казалось, они развивали как научные, так и боевые навыки.

Третий день собрания был самым кульминационным, на поле выходили лучшие из лучших. Соревноваться будут уже не младшие ученики, а ученики первого поколения секты Сюань. Даже двенадцать мастеров могли выйти на поединок, чтобы разогреть атмосферу.

Ши Удуань, сидевший в одиночестве, приклеенный к своему месту и неподвижный, как гора, стал несколько заметен.

Битан приказал никому не беспокоить Ши Удуаня, поэтому, конечно, никто не ослушался главы секты и не доставил ему хлопот. Он сидел там, празднично перекусывая, а его мысли уносились за тысячу миль отсюда. Даже когда Цзян Чунвэнь, уважаемый ученик Баньи и один из «двенадцати мастеров», потряс публику иллюзией «Парящего Лотоса», он лишь мельком взглянул на него.

Иллюзорные искусства были уникальны тем, что относились к тайным искусствам секты Сюань. Оно было создано тысячи лет назад основателем секты - каждая травинка в иллюзии могла быть настоящей или ложной, одновременно могли идти дождь и снег, небо и земля могли сливаться в одно целое. Ключевым моментом было то, обладал ли мастер способностью создать идеально безупречный «строй». Если это удавалось, то «иллюзия» становилась «реальностью» и могла существовать бесконечно долго.

Однако с годами искусство иллюзии постепенно отошло на второй план.

Хотя Ши Удуань не понимал иллюзорных искусств, он являлся экспертом в астральных вычислениях, он даже успел неплохо разобраться в великом массиве, который оставил после себя его шифу. Поэтому его понимание «строя» было чрезвычайно глубоким. Одним взглядом он уловил изъяны в «Парящем Лотосе» Цзян Чунвэня - раскрытие лотоса, падение лепестков, ради эстетики Цзян Чунвэнь подвесил лепестки в воздухе, а не дал им упасть, но капли росы на лепестках рассыпались по земле.

За своим каменным выражением лица Ши Удуань подумал: значит, он идиот, который не понимает, как работает гравитация. Пока все были заняты тем, что завораживались иллюзией, которую он мог разрушить одним щелчком пальцев, Ши Удуань смахнул палочками все свои любимые закуски в свою тарелку - не было смысла отказываться от еды.

Битан был очень щедр к нему и не ограничивал его в еде, не было ни одного деликатеса, ни одного сезонного овоща или фрукта, которыми он не мог бы полакомиться. Но какой бы изысканной ни была еда, Ши Удуань знал, что то, что давал Битан, было совершенно обычным. Ценные травы, растущие в горах, которые могли помочь в культивировании, сборе ци, очищении разума, травы, которые другие ели как капусту, он не видел ни одного стебля за пять лет своего пребывания.

Ах, его Битан-шишу действительно был щепетилен, жаль только, что он был недостаточно безжалостен.

Ши Удуань жевал эту горькую, труднодоступную траву Шилун и думал: «Битан, конечно, потрясающий, жаль только, что он... Жаль только, что он слишком мягкий, постоянно вспоминает старые добрые времена и беспокоится о своей репутации.

Банья достаточно жесток, жаль только, что у него мало мозгов и он не может добиться ничего выдающегося. Если бы эти два человека могли бы слиться в одного, то трава на моей могиле, наверное, уже была бы высотой в несколько футов».

В этот момент Янь Чжэнь заметил Ши Удуаня. Он, конечно, смог догадаться, что иллюзия долго не продержится, но иллюзии были умирающим искусством. Создать такой реалистичный лотос покрытый росой, заставить его расцвести, а затем увянуть в одно мгновение - уже было очень впечатляюще. Все смотрели, словно не в силах налюбоваться, но эту одинокую фигуру больше интересовала трава Шилун. Он даже не поднял головы.

Глядя на него издали, Янь Чжэнь не мог не спросить у человека рядом с ним:

«Кто этот молодой человек? Он не участвует?»

Битан поспешно ответил:

«Это мой молодой шичжи, он младший ученик моего шисюна - бывшего главы секты. Он довольно хрупкий и не подходит для боевых искусств, хотя он довольно начитанный».

Янь Чжэнь заинтересовался:

«О? Внешность этого юноши вполне приличная, почему бы вам не позвать его, чтобы я мог взглянуть поближе?»

Битан нахмурился, посмотрел на Янь Чжэня и заколебался, прежде чем ответить:

«Что ж... Великий Наставник, потенциал этого шичжи ограничен, он еще молод, и я боюсь, что он может нанести вред».

Янь Чжэнь улыбнулся:

«Неужели я действительно скатился до уровня полувзрослого ребенка? Просто позови его».

На сцене иллюзия «Парящего Лотоса» уже разрушилась. Лепестки цветка и капли воды тихо

звенели и разбивались, как стекло. Люди с более слабой культивацией начали приходить в себя и разразились аплодисментами.

Когда Ши Удуань услышал сообщение Битана, он вздрогнул и посмотрел в сторону Янь Чжэня. Янь Чжэнь поднял свою чашу, как бы приглашая его.

Он подумал: «Почему этот случайный человек приглашает меня?» и очень медленно встал. Даже такое простое действие превратилось в трудоемкое дело, словно на его выполнение уйдет целый год.

Битан прочистил горло, не в силах больше смотреть на это. Ши Удуань посмотрел на него без выражения и сказал с притворной заботой:

«Уже почти осень, тебе лучше позаботиться о своем здоровье, шишу».

... Только на горе Цзюлу было чистое небо, пышные леса и зеленая трава..

Куруо нахмурилась, став еще более настороженной. Ши Удуань медленно двинулся к Янь Чжэню. Банья издали смотрел на них: один стоял, другой сидел, один спрашивал, другой отвечал, казалось, что Янь Чжэнь даже улыбается. Банья небрежным жестом попросил Чжао Чэнъе, сидевшего рядом с ним, подойти ближе.

Чжао Чэнъе опустил голову, наклонился и спросил:

«Шишу?».

Банья тихо сказал:

«Твой шифу слишком милосерден, он не слушает моих советов».

Чжао Чэнъе замер, проследив за его взглядом. Увидев, что тот смотрит прямо на Ши Удуаня, он догадался, что имел в виду Банья.

Банья продолжил:

«Чэнъе, ты просто обязан помочь своему шишу».

Глаза Чжао Чэнъе вспыхнули. Через мгновение он тихо ответил:

«Да».

К тому времени, как Ши Удуань послушно стоял перед Янь Чжэнем, ученик, наложивший иллюзию «Парящего Лотоса», уже давно покинул сцену.

Янь Чжэнь с чашей вина в руке внимательно рассматривал юношу. Ему показалось, что он заметил нечто странное: и хотя все элитные ученики секты Сюань не были ни кроткими, ни высокомерными по отношению к нему, никто из них не был похож на Ши Удуаня.

У Янь Чжэня возникло ощущение, что этот юноша не слишком рад тому, что ему приходится с ним разговаривать, похоже, он был чем-то недоволен.

Когда Янь Чжэнь по привычке задавал вопросы, которые старший задал бы младшему, такие как «о, как тебя зовут?» и «сколько тебе лет?», он заметил, что этот юноша почти производил впечатление человека, стоящего одной ногой в могиле. Даже когда он спрашивал его возраст,

его глаза затуманивались на полтора дня, прежде чем он нерешительно пробурчал:

«Шест...шестнадцать? Что-то вроде этого?»

Небеса над головой, кого ты вообще спрашиваешь?

Янь Чжэнь слегка нахмурился и терпеливо спросил:

«Я слышал, как твой шишу упоминал, что ты любишь учиться, что весьма похвально. Какие книги ты прочел?»

«Много», – сказал Ши Удуань, но не стал уточнять.

Бровь Янь Чжэня дернулась. Каким бы великодушным он ни был, это был первый раз в его жизни, когда к нему проявляли такое неуважение. Позади него Битан попытался взглядом быстро подать сигнал Ши Удуаню. Ши Удуань заметил это и неторопливо добавил:

«Я просто уже ничего не помню».

Янь Чжэнь потерял дар речи и подумал, что этот юноша явно глуп. Он решил, что, скорее всего, был одержим, когда внезапно позвал этого человека на разговор. Он сделал жест и сказал:

«Ты можешь идти».

Ши Удуань жестко поклонился в знак уважения, словно марионетка на ниточках. В этот момент Янь Чжэнь заметил глаза, которые Ши Удуань всегда держал опущенными. С его опытом чтения людей, он мгновенно заметил, что в глазах этого юноши не было ни капли «глупости».

Этот человек был беспристрастен, беспристрастен, будто он видел пустоту материального мира. Но поскольку он был молод, это бесстрашие не было похоже на застойную воду, под поверхностью было что-то злобно бурлящее.

Иногда можно было с первого взгляда определить, насколько глубоко сердце человека. Янь Чжэнь подумал, что во всей секте Сюань только у этого юноши были глаза, в которых можно было увидеть небо и все звезды. Он не мог удержаться от вопроса:

«Ты сказал, что тебя называли «Удуань», твое имя означает то же самое, что и «повторять без конца»?»

Это «У», как «создавать что-то из ничего», «Дуань», как «непредсказуемый», – подумал Ши Удуань и без интереса ответил:

«Я не смею предполагать намерения покойного».

Но Янь Чжэнь заметил его и спросил:

«Теперь, когда твоего учителя уже нет, я, может быть, не так уж много значу, но я когда-то учился в секте и обладаю некоторыми скудными знаниями, может быть, ты захочешь стать моим учеником?».

Эти слова ошеломили всех, кто мог его слышать, глаза Битана мгновенно потемнели, он мрачно посмотрел в сторону Ши Удуаня.

Шаги Ши Удуаня застопорились лишь на секунду. Он несколько растерянно посмотрел на Янь Чжэня и, впервые увидев его лицо, заметил, что возраст этого человека не так уж и велик. На вид ему было около тридцати, но виски уже поседели, а лицо казалось усталым и изможденным, словно на сердце было слишком много тяжести.

И тогда он недоверчиво подумал: неужели этот старший безумен?

Тогда Ши Удуань поклонился и без колебаний сказал:

«Я знаю, что я глуп, мой шифу не раз говорил, что я... что-то вроде стены, даже штукатурить не надо, плох как в учебе, так и в боевых искусствах, даже когда я сплю, мой храп медленнее, чем у всех остальных».

Затем, как бы подчеркивая, насколько он глуп, он сделал долгую паузу, как будто забыл, что собирался сказать. Затем он посмотрел на мастера Битана и спросил:

«Не так ли, Битан-шишу?».

Битан быстро сказал с облегчением:

«Ах, пожалуйста, извините его».

Заметив, что Ши Удуань искренне хотел избежать общения с ним, словно чумы, Янь Чжэнь не мог не почувствовать прилив гнева и подумал, что кто знает, сколько молодых людей готовы отдать руку и ногу, чтобы стать моим учеником, этот юноша, должно быть, слеп.

Он также почувствовал разочарование и молча отмахнулся от Ши Удуаня, не желая больше смотреть на него.

Ши Удуань развернулся так же медленно, как старый вол, тащивший сломанную повозку, задумчиво вернулся на свое место и продолжил набивать рот.

Никто не знал, о чем он думал в этот момент, все видели только, что выражение его лица было слишком деревянным и неподвижным для человека его возраста.

Как глава секты Сюань, Битан, естественно, должен был сопровождать своего почетного гостя, но на третий день собрания ученики уже не были такими сдержанными, как в начале. Атмосфера стала более легкой, а приличия начали ослабевать.

Двор, в котором жил Ши Удуань, обычно был очень тихим, но поскольку это была резиденция бывшего главы секты, на небольшой тропинке, ведущей к нему, стоял сторожевой пост. Битан никогда не снимал этот пост, и хотя он был нестрогим, они всегда знали, кто приходит и уходит.

Но в этот день стража была окончательно выбита из колеи всеобщим волнением, поэтому, когда посреди ночи к нему подошли несколько человек, они беспрепятственно проникли во двор.